

А.В. Шмельков

ГОРОДА КАК РЕГИОНАЛИЗИРОВАННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

В статье предпринята попытка показать, что город представляет собой сообщество, локализованное в пространстве-времени, то есть что он обладает свойствами социальной системы. Статья не претендует на формирование новой социальной теории урбанистики. Ее основная цель — предложить способ интеграции основных теоретических подходов к изучению города, основываясь на методологии теории структуризации Энтони Гидденса.

...Приверженность общепринятым точкам зрения может быть всего лишь ширмой праздного ума.

Энтони Гидденс. «Устроение общества».

Со времени начала активного изучения города прошло более ста лет, однако город до сих пор остается проблемной категорией социальных наук. Сам факт того, что при наличии значительного количества теоретических и прикладных исследований, объектом которых является город, отсутствует консенсус в отношении определения его сущностных характеристик, не говоря уже о специфических сторонах его бытия и подходах к его изучению, свидетельствует о сложности объекта исследования. Конкуренция между различными школами, проистекающая из фундаментальных различий в методологических основаниях, попытки создания в рамках школ теории, претендующей на доминирование в научной традиции, делают практически невозможной выработку общих положений. В частности, разделение социологического сообщества на объективистов и субъективистов, выделение макро- и микросоциологии ставит барьеры для постижения города как целостности. Тем не менее, сближение теоретических концепций представляется необходимым.

Следует оговориться, что существующие ныне представления о городе (его свойствах, причинах возникновения, закономерностях и механизмах развития и т. д.) не являются необоснованными. Однако существует ряд моментов, которые не позволяют считать их вполне удовлетворительными.

Во-первых, явления, наблюдаемые в социальной жизни, и их толкование зависят от культурно-исторического контекста*. Так, Х. Шельски отмечал, что, «...нацизм, война и ее последствия произвели в нашем обществе такие социальные изменения, что целые библиотеки социологической литературы превратились в макулатуру...» (Цит. по Филиппов

* Следует добавить — и от личности толкователя.

2001: 46). Город Макса Вебера — это город эпохи индустриального капитализма. Сравнительно-исторический метод исследования позволяет ему выделить ряд его идеально-типических черт (укрепление; рынок; собственный суд и право объединения бюргеров; корпоративный уклад; автономия) (Вебер 1994). Тем не менее, его анализ ограничен рамками определенного исторического времени. Разумеется, это относится и к другим классическим исследованиям. Поэтому исследования города, который представляется не только социальным, но историческим явлением, будут сохранять актуальность всегда — а значит, с неизбежностью будут возникать и новые подходы к его исследованию.

Во-вторых, существующие исследования зачастую дают сегментарное, а не целостное представление о городе. Традиция изучения города как территориально-поселенческого, историко-культурного, градостроительного феномена, а также его изучения с экономических, социологических, психологических, семиотических позиций плодотворна с точки зрения приращения знания в сфере, ограниченной рамками отдельных наук. Но городской вопрос шире заданных рамок. Это, прежде всего, вопрос онтологии и социальной философии. Бытие города — это бытие общества, и вопрос «как возможно общество, если это общество — городское» кажется вполне уместным. Конкретно-научные изыскания могут служить цели целостного изучения города в рамках некоторой объединительной парадигмы*.

В-третьих, выстраивание теории со стороны объективизма или субъективизма может иметь ряд теоретических последствий. В первом случае, зачастую получаются строгие теории, обладающие внутренней логикой, но не дающие, в конечном итоге, реального представления о действительности и не применимые в прогнозировании социальных изменений. Во втором случае «психологизм» теоретической конструкции размывает грань между научным и теоретическим знанием (Яковлев 2000). Альтернативой является выход за пределы традиционных субъект-объектных отношений.

Преодоление дуализма субъекта и объекта является главной проблемой теории структуризации Гидденса. В этом теоретическом ракурсе Гидденсом переосмысляются механизмы воспроизводства социальной жизни, а также само понятие общества. Центральным понятием, посредством которого выстраивается вся концепция, является понятие структуры. Структура, в традиционном представлении, выступает как внешнее по отношению к индивиду и его поведению. Такое представление восходит к Г. Спенсеру, который разделял понятия структуры и функций. Понятие «структура» подразумевало исследование внутреннего строения, или формы, социального целого, понятие «функции» — способов его деятельности или трансформации. Гидденс определяет структуру как генеративные правила (ресурсы).

Структура виртуальна в том смысле, что не является каркасом социальных систем, а представляет собой определенный порядок, закрепленный в социальной памяти: «Говоря о том, что структура представляет собой “виртуальный порядок” отношений преобразования, мы подразумеваем, что социальные системы, как воспроизводимые социальные практики, обладают не “структурами”, но “структуральными свойствами”, а структура, как образец социальных отношений, существующий в определенное время и в определенном пространстве, проявляется посредством подобных практик и, как память, фиксирует направление поведения компетентных субъектов деятельности» (Гидденс 2003: 59). Структура реализуется через структуральные свойства и воплощается в организованной деятельности акторов, а, в конечном счете, и в социальных системах.

Хотя Гидденс и отрицает как исключительно внешний характер структуры, так и ее «психологизм», он наделяет ее индивидуальным содержанием. Она создается и

* Термин «парадигма» здесь употреблен не как синоним термину «теория» или «теоретическая конструкция», а в смысле, который вкладывал в него Т. Кун, т. е. как «картина мира».

воспроизводится энергией социальных акторов в повседневности. Структура изменяется тогда, когда новые элементы действия рутинизируются и закрепляются в виде устойчивых схем. Сформированный таким образом новый порядок используется акторами в дальнейшем для организации своих действий. В этом проявляется дуальность структуры: структура является одновременно и посредником, и продуктом поведения.

Следует отметить и другой взгляд на структуру. В частности Н. Моузелис отмечал, что дуальность структуры является необходимой, но не исчерпывающей характеристикой, используемой в ходе анализа социальных систем. Дуальность структуры не снимает дуализм субъекта и объекта, а, напротив, дополняется им. Свойство дуальности структуры возможно, только когда акторы используют правила и ресурсы как нечто само собой разумеющееся, но не тогда, когда действия носят исследовательско-теоретический или стратегический характер. В последнем случае мы имеем дело с дуализмом субъекта и объекта, так как ресурсы и правила используются акторами здесь скорее как цели, направления (то есть как объект) (Mouzelis 2000: 748–749). Моузелис отмечает, что важным является «уровень парадигматических ориентаций» (*degrees of paradigmatic strategizing*): «Единственное различие между позицией Гидденса и моей собственной состоит в том, что он допускает различие между субъектом и объектом на синтагматическом, но не парадигматическом уровне. Я же настаиваю, что различие субъекта и объекта должно осуществляться на обоих уровнях» (Ibid: 749–750).

Тем не менее, следует отметить, что ориентация акторов на исследовательско-теоретические образцы действия автоматически не означает разделенности объекта и субъекта. Факт существования «неосведомленных акторов»* и других, реализующих исследовательские стратегии (например, социологов), указывает лишь на различия в позиционировании их в социальном окружении. Аналитическое отделение исследователя от структуры не означает примата структуры, а по-иному организует рефлексивно-мотивационный комплекс исследователя (рефлексивный мониторинг действия — рационализация — мотивация).

Каким образом образуются социальные системы? Социальная система появляется в процессе освоения деятелями структуры. Этот процесс назван Гидденсом структуриацией. Социальные отношения структурируются в пространстве и времени. Социальные системы состоят из практик, организованных как взаимозависимость субъекта действия и группы. Эти взаимодействия размещены во времени и пространстве. Таким образом, социальные системы обладают структуральными свойствами и представляют структурированную целостность.

Устойчивость и воспроизводство социальных систем обеспечивается несколькими факторами. Во-первых, этому способствует рекурсивный характер социальной жизни. Повторяющиеся действия воспроизводятся в одинаковой манере. Это обеспечивает основное условие существования общества — онтологическую безопасность**. На этом ощущении основывается доверие, являющееся важным, с точки зрения Гидденса, для упорядочивания социальной жизни.

Во-вторых, рациональные действия акторов, кроме последствий, которые являются целями действия (запланированным результатом), образуют сеть непреднамеренных поступков. В качестве примера Э. Гидденс рассматривает случай языка. Изучение языка, помимо основного результата, повышения уровня грамотности, дает и дополнительный, непреднамеренный результат — сохранение и воспроизводство языка (Гидденс 2003: 47). Непреднамеренные последствия образуют непреднамеренные (неучтенные) условия действия. Таким образом, структура, а, следовательно, и социальная система, не является

* Терминология Э. Гидденса.

** Термин введен Г. Гарфинкелем (см. Heritage 1989).

проектом актора или акторов, но представляются результатом реификации социальных взаимоотношений.

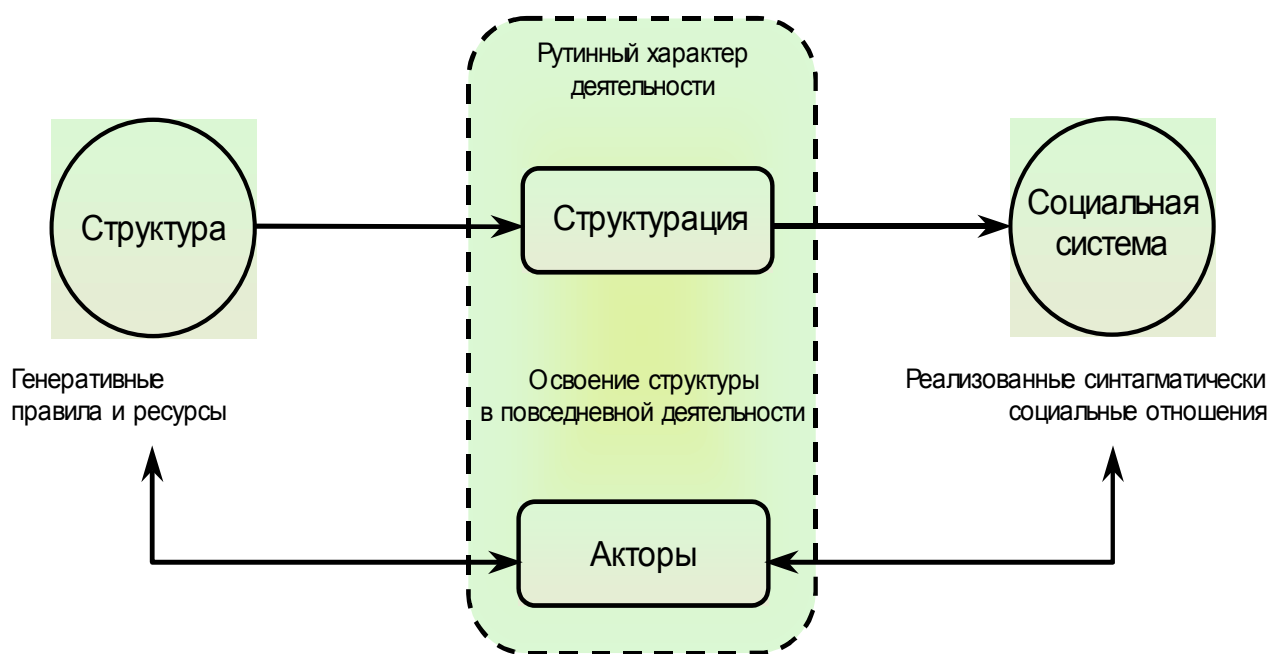

Рис. 1. Образование социальных систем в теории структуриации.

На рис. 1 представлена схема, иллюстрирующая описанный выше процесс становления социальных систем с точки зрения теории структуриации. В процесс пространственно-временного оформления социальных отношений в устойчивые системы включена структура и акторы, которые осваивают правила и ресурсы и трансформируют саму структуру. Структура является продуктом структуриации, т. е. основой повседневного взаимодействия. Таким образом, существование любых социальных систем не мыслится вне или помимо социального взаимодействия.

Социальная система — это выстроенное в пространстве и времени социальное взаимодействие. Место для такого взаимодействия называется Гидденсом локальностью. Локальность «подразумевает использование пространства с целью обеспечения среды протекания взаимодействия, необходимой для определения его контекстуальности» (Гидденс 2003: 185). Контекстуальность выражает фундаментальное свойство социальной жизни — ее ситуативность.

Локальности способствуют устойчивости социальных институтов и описываются как комбинации свойств материального мира и артефактов человеческого общества. Такой подход обусловлен тем, что физические свойства окружения постоянно используются акторами при осуществлении социальных взаимодействий во времени и пространстве (здесь Гидденс дает ссылку на Т. Хагерстренда, который подчеркивал ограничения возможностей человеческого тела и его зависимость от условий мобильности и коммуникации). Одним из видов локальностей Гидденс полагает города.

Локальности, по Гидденсу, районированы или зонированы. Этот способ описания внутренней структуры локальностей социолог называет регионализацией — «зонирование общепринятых социальных практик в пространстве-времени» (Гидденс 2003: 186). В отличие от традиционного использования термина «регионализация» (очевидное географическое расположение объекта) автор предлагает добавить смысловую нагрузку к термину — помимо

собственно пространственной характеристики имеется в виду и временная протяженность существования локальности, в том числе и городской.

Город, являясь продуктом регионализации, зонирован на отдельные локальности. Локальности низшего уровня упорядочены внутри города в соответствии с закономерностью использования акторами отделяемого пространства-времени. Так, например, в городе выделяются спальные районы, используемые в основном в вечерние часы, промышленные и деловые части, в которых пересекаются траектории движения большей части акторов, и т. д. Каждая выделенная локальность отделяет некоторый набор практик в пространстве и времени от другой и формирует особый язык места. В принципе, как указывает Гидденс, регионализации подвержены даже отдельные этажи домов.

В свою очередь города включены в локальности большего масштаба — в социетальные системы. Часто под социетальными системами понимают национальные государства, оформленные физическими границами. Однако это является упрощением, поскольку регионализация означает не только выстраивание пространственно-временных границ, но и формирование некоторой идентичности.

Модель регионализации, по Гидденсу, включает в себя четыре составляющие: *форма*, *характер*, *протяженность* и *продолжительность* (временной аспект). *Форма* регионализации — это варианты оформления границ, определяющих территорию локальности (город может быть ограничен транспортной магистралью, промышленной зоной, природными объектами — горами, реками, морями и т. д.).

Характер регионализации описывает способ, посредством которого пространственно-временная локальность упорядочивается в рамках более крупных социальных систем. Такими способами могут служить отнесение города к определенной зоне, однозначно воспринимаемой в масштабах страны: физической (южный, приморский, байкальский регионы), административной (Северо-Западный Федеральный округ), исторической (Золотое кольцо России, Русский Север), отраслевой (нефтедобывающие, золотопромышленные регионы), политической («красный пояс») и т. д.

Протяженность города как локальности понимается исключительно как пространственная характеристика. Здесь важным является то, что с развитием технических средств коммуникации (как физических — транспорт, коммунальные службы, так и электронных — разнообразные средства связи), становится возможным существование города на все большей территории, включающей в себя значительно удаленные друг от друга районы.

Временной аспект регионализации может быть рассмотрен в двух проявлениях — краткосрочном (практики, действующие в течение жизни одного поколения) и долгосрочном (практики, закрепленные несколькими поколениями людей). В качестве наиболее яркого примера временной формы регионализации, изначально существовавшей как долгосрочной и устойчивой, но претерпевшей значительные изменения в прошлом веке, Гидденс приводит «демаркационную линию» в зонировании пространства существования человека, проведенную за счет смены дня и ночи: разделение периодов активности и восстановления сил являлось фундаментальной (долговременной) характеристикой социальной жизни. Однако с развитием технических средств стало возможным продление или кардинальное смещение во времени периода бодрствования социальных акторов, что особенно актуально для городских жителей.

Создание непрерывных производств, круглосуточно работающих досуговых предприятий рождает изменения в функционировании городской инфраструктуры — обеспечение транспортных перевозок, услуг связи, питания и т. п. должно производиться вне зависимости от времени суток. Такие «центры притяжения» ночной жизни могут смещаться довольно быстро за счет смены режима работы предприятий (например, при изменении

законодательства, регулирующего оплату труда в ночное время), появления или исчезновения моды на посещение ночных клубов и т. д. Общей тенденцией является увеличение числа бодрствующих в ночное время горожан.

Кроме суточного деления в современных городах присутствует и недельное зонирование. В начале и в конце уик-эндов привычными стали огромные транспортные пробки, образующиеся в результате массового выезда жителей города в пригороды.

Долгосрочной характеристикой временной регионализации может выступать изменение восприятия не одного объекта, а целой зоны застройки в городской черте. Так, понятие центра города довольно устойчиво, т. к. обычно оно связано с физическим местоположением, — напротив, районы, воспринимаемые в качестве «периферии», могут меняться по мере роста площади самого города. Даже при условии, что географический центр переместится в новое место, остается такое понятие, как «старый (исторический) центр», который часто является довольно престижным местом проживания и работы за счет наличия в нем оригинальной архитектуры, памятников, парков, площадей, административных зданий и т. п. Гидденс в своей работе «Устроение общества» приводит пример долгосрочной характеристики временной регионализации городской среды, выраженной в отношении к индустриальным районам, — на заре эпохи капиталистического развития в Англии зоны промышленной застройки были предметом гордости и при прочих равных условиях (близость к ресурсам) располагались в престижных частях города. В наши дни индустриальные пейзажи вызывают стойкое отрицательное отношение и, как правило, обособлены от «спальных» районов (Гидденс 2003: 200).

Гидденс отмечает, что значительные по своей протяженности и продолжительности зоны (охватывающие большие участки пространства и времени), как правило, отличаются высокой степенью институционализации. Действительно, крупные и долго существующие урбо-объекты обычно довольно устойчивы. Исключение здесь может составлять внезапное (в результате войн, стихийных бедствий) разрушение города, восстановление которого на прежнем месте является слишком затратным.

Итак, какие методологические последствия несет применение теории структуризации в исследовании города?

Во-первых, с точки зрения теории структуризации город представляет собой набор упорядоченных в пространстве-времени практик. Фундаментальной причиной этому являются свойства тела: его строение и предельные возможности взаимодействия с физической средой. Именно ограничения, накладываемые телом на возможности человека, являются первичными при организации практик во времени и пространстве (этот подход согласуется с взглядами Т. Хагерстранда (Гидденс 2003: 174–182) и Дж. Тернера (Тернер 1994)), поскольку социальная практика невозможна без наличия субъекта этой практики, т. е. человека. Следовательно, в исследовании города с неизбежностью встает вопрос, связанный с изучением этнографических и антропологических аспектов.

Во-вторых, город представляет собой пространственно-временную целостность. Синтагматический аспект существования города имеет следствием его контекстуальность и разделенность на локальности низшего уровня. Это обстоятельство является значимым для организации социальных практик и институциональных порядков.

В-третьих, города включены в локальности большего масштаба. Существование города в отрыве от связей с этими локальностями невозможно. Это делает необходимым изучение развития города на фоне развития социетальных систем.

Следует, однако, признать и некоторые недостатки представленной концепции в исследованиях, посвященных городской проблематике. Одним из важнейших недостатков является невозможность проведения границ между локальностями различного уровня. В частности, следуя определению города как локальности особого рода, невозможно четко

сказать, какие локальности являются городами, какие селами, а какие относятся к классу регионов.

Нам представляется продуктивным синтез выводов теории структуриации и классических концепций урбанистики. Так, достаточно плодотворным представляется синтез воззрений Э. Гидденса и Г. Зиммеля. Последний определяет города как общественное единство. Они не исчерпываются границами своей территории, а выходят далеко за их пределы. Анализируя социальные связи в городе, Зиммель вводит понятие пространства. Оно определяется социологом как «совокупность точек вращения». Горожанин соприкасается с различными социокультурными пластами, и таким образом образуется социальное пространство — соединение разнородных духовных элементов, ценностей, норм.

Одно из критических замечаний в адрес теории структуриации Гидденса фиксирует тот факт, что сделанные социологом выводы не проверялись в рамках эмпирических исследований. Однако это утверждение может быть пересмотрено со временем (например, в настоящее время уже защищен ряд диссертационных работ, в основу которых была положена методология теории структуриации). Методологическая заслуга Энтони Гидденса состоит в том, что он отказался от жестких детерминистских схем объяснения реальности. Теория структуриации ориентирована на изучение локальностей, так как именно на этом уровне конструируется и воспроизводится общественное единство, а также формируется база для изменения институциональных порядков.

Литература

Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003.

Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // THESIS. 1994. № 4.

Филиппов А.Ф. Социология пространства как теоретическая альтернатива // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001.

Яковлев Л.С. Топологизация жизненного пространства (постмодернистский взгляд на социологию личности) // http://www.seun.ru/oldssea/Win/Journal/j2000_2r/Socio/JakovlevLS.htm#start.

Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge: Polity Press, 1989.

Mouzelis N. The Subjectivist-Objectivist Divide: Against Transcendence // Sociology. 2000. Vol. 34. No. 4.